

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С. М. Глебко

*Открытое акционерное общество «Минский тракторный завод»,
ул. Долгобродская 29, Минск, 220009, Беларусь*

В статье рассматриваются некоторые вопросы правового регулирования новых субъектов и объектов цифровизации. Констатируется переход от мягкого права и саморегулирования к установлению в национальных юрисдикциях обязательных требований к правообладателям цифровых платформ, агрегаторов, маркетплейсов и мер экономического воздействия в случае их неисполнения. Исследуются проблемы регламентации правовых режимов новых цифровых объектов гражданских правоотношений. Предлагается объединить права на некоторые такие объекты в новую (третью) группу имущественных прав, носящих абсолютный характер.

Ключевые слова: цифровизация, новые цифровые субъекты, новые цифровые объекты, особенности, правовой режим.

SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF DIGITALIZATION OF ECONOMIC ACTIVITY

S. M. Glebko

*Open Joint Stock Company «Minsk Tractor Works»,
29 Dolgobrodskaya street, Minsk, 220009, Belarus*

The article discusses some issues of legal regulation of new subjects and objects of digitalization. The transition from soft law and self-regulation to the establishment in national jurisdictions of mandatory requirements for copyright holders of digital platforms, aggregators, marketplaces and measures of economic impact in case of their non-fulfillment is stated. The problems of regulation of legal regimes of new digital objects of civil legal relations are investigated. It is proposed to combine the rights to some such objects into a new (third) group of property rights that are of an absolute nature.

Keywords: digitalization, new digital subjects, new digital objects, features, legal regime.

В Беларуси легализованное определение термина «цифровизация» содержится в государственном стандарте Республики Беларусь «Цифровая трансформация. Термины и определения: СТБ 2583-2020», согласно которому цифровизация – новый этап автоматизации и информатизации экономической деятельности и государственного управления, процесс перехода

на цифровые технологии, в основе которого лежит не только использование для решения задач производства или управления информационно-коммуникационных технологий, но также накопление и анализ с их помощью больших данных в целях прогнозирования ситуации, оптимизации процессов и затрат, привлечения новых контрагентов и т.д. [1]. Таким образом цифровизация экономической деятельности связана с государственным управлением и является одним из наиболее важных глобальных трендов, необратимым процессом, требующим, в первую очередь, своевременного и эффективного участия государства на всех уровнях власти. Важнейшим направлением такого участия, в частности, является разработка и принятие нормативных правовых актов, издаваемых с целью усиления защиты экономических интересов государства и ликвидации законодательных пробелов. При этом цифровизация привела к возникновению новых субъектов и объектов. На правовое регулирование отношений между ними должны быть направлены соответствующие нормативные правовые акты.

Относительно новых субъектов, это в первую очередь, правообладатели цифровых платформ (ЦП), а также агрегаторов и маркетплейсов. ЦП – это основной создатель цифровой экосистемы. К их числу в настоящее время можно отнести, к примеру, поисково-информационные системы (Google, Yandex), площадки электронной торговли (AliExpress, Europages), социальные сети (Facebook, Instagram), мессенджеры (Viber, Telegram, WhatsApp), платежно-расчетные сервисы (Alibaba) и мн. др. Доходы наиболее известных ЦП сопоставимы с бюджетами отдельных небольших государств. ЦП максимально извлекают свою выгоду из отсутствия границ в сети Интернет. В результате национальные государства, юридические и физические лица столкнулись со следующими вызовами со стороны ЦП: 1) сверхприбыли без налоговых обязательств; 2) отсутствие прозрачности в отношении использования генерируемых ЦП персональных данных и доступа к ним; 3) проблемы, связанные с навязыванием пользователям цифровых продуктов, установлением несправедливых условий для доступа к важным пользовательским базам данных; 4) неравенство ЦП и пользователя; 5) уход ЦП от юрисдикции государств; 6) монополия ЦП на рынке цифровых услуг и данных; 7) привилегированное положение правообладателя ЦП по отношению к пользователям, которое, как правило, отражено в соответствующих договорах (пользовательских условиях, соглашениях); 7) проблемы обеспечения качества товаров и услуг, продаваемых на ЦП и маркетплейсах, защиты прав потребителей. В данном вопросе защита слабой стороны и национальных интересов являются приоритетом любого государства. При этом слабой стороной здесь выступает не только потребитель, но и ответственные хозяйствующие субъекты, которые несут большую регуляторную нагрузку, чем иностранный аналогичный бизнес, но не имеют никаких

юрисдикционных привилегий.

В правовом регулировании ЦП долгое время отсутствовало понимание необходимости такого регулирования и, тем более, сам его механизм. Но в 2021 г. стало очевидно, что зарубежные государства, даже те, которые больше всех заявляли о саморегулировании этой сферы, начинают устанавливать на уровне нормативных правовых актов требования к ЦП для обеспечения интересов пользователей, государства, общества, национального бизнеса, и разрабатывают меры принуждения их исполнения (в том числе экономические). Как пример – принятие в июле 2022 г. Европейским парламентом двух законов, которые будут регулировать информационно-технологический сектор в ЕС: закон о цифровых рынках (Digital Markets Act) и закон о цифровых услугах (Digital Services Act) [2]. В целом, законы определяют более жесткое регулирование деятельности крупных технологических корпораций и борьбу с их монополизмом. Им могут быть назначены крупные штрафы (до 10% мирового оборота за первое нарушение и до 20% – за повторное). Но это относится только к так называемым интернет-гигантам (компаниям с капитализацией от 75 млрд. Евро или с годовым оборотом в ЕС от 7,5 млрд. Евро, с не менее 45 млн. ежемесячно активных пользователей, и не менее 10 тыс. бизнес-пользователей из стран ЕС). Ясно, что регулирование закона направлено на ЦП и корпорации типа Google, Amazon, Apple, Microsoft, Alibaba. То есть такие ЦП, чье доминирующее положение в киберпространстве «делает сложным для потребителя избежать их использования». От таких ЦП данный закон требует соблюдения, в числе прочего, следующих норм: предоставлять возможность пользователям отписываться от ключевых сервисов платформы так, чтобы во всех остальных отношениях у них были те же условия, что и у тех, кто подписался на такие сервисы; не требовать по умолчанию при установке операционной системы установки важного программного обеспечения (например, браузеров) от этой же платформы; обеспечить справедливый доступ разных разработчиков приложений к таким функциям смартфонов, как NFC-чипы; предоставить продавцам доступ к данным по эффективности маркетинга и рекламы на платформе; обеспечить совместимость разных сервисов обмена сообщениями и др. При этом, компаниям, подпадающим под действие закона, запрещается: делать преференции товарам и услугам, которые предоставляет сама интернет-платформа; устанавливать несправедливые условия для бизнес-пользователей; требовать от разработчиков, которые хотят добавить свой продукт в магазины приложений, использовать определенные сервисы, например, платежные и др. [3].

Также в Евросоюзе достигнуто принципиальное соглашение по новому законопроекту о рынке цифровых услуг (Digital Services Act). Закон обозначил принцип: «что является незаконным в офлайне, является незаконным и

в онлайн» и включает в себя такие меры по борьбе против нелегальных товаров, как: механизмы, в соответствии с которыми пользователи смогут легко и оперативно сообщать о таких товарах на каких-либо цифровых платформах; более эффективное отслеживание и проверка добросовестности продавцов на онлайн-маркетплейсах; запрет введения пользователя в заблуждение; меры по увеличению прозрачности работы интернет-платформ по ряду параметров, включая алгоритмы рекомендаций контента или продуктов для пользователей и др., а также многочисленные положения по защите персональных данных пользователей [2].

В России с 1 июля 2021 г. вступил в силу Федеральный закон № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на территории Российской Федерации» [4]. В соответствии с ним иностранные платформы, охватывающие более 500 000 российских пользователей, обязаны открывать на территории Российской Федерации представительства и встать на налоговый учет. Рассмотренные примеры правового регулирования ЦП в Европейском союзе и Российской Федерации, свидетельствуют о переходе от мягкого права и саморегулирования к установлению в национальных юрисдикциях обязательных требований к их правообладателям (в том числе иностранным) и мер жесткого экономического воздействия в случае их неисполнения. На данном этапе аналогичная деятельность ЦП в Республике Беларусь остается не урегулированной.

Следующей проблемой является необходимость регламентации правовых режимов новых цифровых объектов гражданских правоотношений. Это обусловлено объективными потребностями в стабильности и предсказуемости актов гражданского оборота. Обеспеченная нормативным порядком универсальность и ясность правовых последствий принадлежности и оборота новых цифровых объектов гражданских правоотношений не только расширяет границы имущественного статуса лиц, но и единообразно определяет режим их оборотоспособности.

Предусмотренные ст. 128 Гражданского кодекса Беларуси «Виды объектов гражданских прав» в настоящее время требуют дополнения и упорядочивания. Классические цивилистические подходы в объекту гражданских правоотношений методологически организованы в соответствии с теми представлениями, что объект правоотношения имеет материальную форму. В тоже время процессы цифровизации гражданского оборота привели к появлению цифровых объектов гражданских правоотношений, которые часто не имеют такой формы. Это порождает возникновение проблемы их определения, выявления правовой природы и особенностей установления их правового режима, способов защиты прав на них. Анализ доктринальных представлений о цифровых объектах позволяет сделать вывод о том, что в числе прочего, они должны вписываться в уже существующую систему

объектов с учетом присущих им особенностей.

С нашей точки зрения, на данном этапе, к новым цифровым объектам гражданских правоотношений, применительно к цифровой экономике, можно отнести: криптовалюты; индивидуально определенные токены (NFT); большие данные; доменные имена; смарт-контракты; исключительно электронные формы обязательственных либо корпоративных прав (корпоративные ценные бумаги); национальная цифровая валюта; цифровые модели продукта; новые нематериальные объекты, существующие исключительно в цифровой форме; цифровые платформы, агрегаторы, маркетплейсы; роботы и другие машины, наделенные искусственным интеллектом; различные базы данных.

Если произвести имплементацию поименованных новых цифровых объектов гражданских правоотношений в приведенные в ст. 128 ГК Республики Беларусь виды, то с учетом многочисленных исследований данного вопроса, криптовалюту можно отнести к иному имуществу; большие данные – к базам данных как к объектам авторского права; доменные имена, используемые в коммерческих целях – к имущественным правам; смарт – контракты – компьютерная программа как объект авторского права; исключительно цифровые формы обязательственных либо корпоративных прав (корпоративные ценные бумаги) – ценные бумаги (бездокументарная форма); цифровые модели продукта – объекты права промышленной собственности (полезные модели в объемно-пространственной форме); цифровые платформы, агрегаторы, маркетплейсы – компьютерная программа или база данных как объект авторского права; роботы и другие машины, наделенные искусственным интеллектом – имущество; различные базы данных – базы данных как объекты авторского права.

Относительно национальной цифровой валюты, несмотря на отсутствие на данном этапе ее обращения в Республике Беларусь, можно уже сейчас дополнить такой вид имущества как «деньги» таким их типом как национальная денежная единица в цифровой форме.

Относительно новых нематериальных объектов, существующих исключительно в цифровой форме. В настоящее время к ним, к примеру, можно отнести: стикеры в социальных сетях, мессенджерах (viber, WhatsApp, skype и др.); приложения для компьютеров, смартфонов, планшетов; одежда, и другие товары, существующие исключительно в цифровой форме и др. Имущественные права на такие нематериальные объекты не могут быть отнесены к категории вещных прав. Так как согласно постулату гражданского права объектом права собственности может выступать только индивидуально-определенная вещь (материальный предмет). Не могут права на такие объекты рассматриваться и как относящиеся к интеллектуальной собственности, так как они не отвечают установленным законом условиям

охраноспособности. То есть необходимо объединить права на такие объекты в новую (третью) группу имущественных прав, носящих абсолютный характер. И наконец индивидуально определенные токены (NFT), с нашей точки зрения, исключительно по аналогии с криптовалютой, можно отнести к такому виду объектов гражданских прав как иное имущество.

Библиографический список

1. Цифровая трансформация. Термины и определения: СТБ 2583-2020. – Введ. 2021–03–01. – Минск: Госстандарт, 2020. – 16 с.
2. В ЕС одобрены фундаментальные законы о «беспрецедентных стандартах ответственности» онлайн-платформ // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://d-russia.ru/v-es-odobreny-fundamentalnye-zakony-o-besprecedentnyh-standartah-otvetstvennosti-onlajn-platform.html>. Дата доступа: 10.10.2022.
3. На интернет-контролеров нашли управу // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5280299>. Дата доступа: 10.10.2022.
4. О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на территории Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Федеральный закон, 1 июля 2021 N 236-ФЗ // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр» – М., 2022.